

Преображенский, Гандшин и помощь русским ученым в начале 1920-х годов

Статья посвящена деятельности Жака Гандшина в Швейцарии в начале 1920-х годов, когда он опубликовал в прессе призывы помочь голодавшим ученым в Петрограде. Впервые публикуется письмо Антонина Преображенского Жаку Гандшину из архива Гандшина в Университете Вюрцбурга, впервые на русском — статьи Гандшина в швейцарской прессе.

Ключевые слова: Преображенский, Гандшин, Петроград, музыковедение, Петроградский Дом ученых.

В архиве Жака Гандшина в Университете г. Вюрцбурга (Германия) хранится письмо Антонина Викторовича Преображенского, датированное ноябрем 1921 г., прежде не привлекавшее внимание исследователей и не публиковавшееся. Антонин Викторович Преображенский (1870–1929) был музыковедом, крупным исследователем древнерусского певческого искусства и музыкальной палеографии. С 1902 г. он работал библиотекарем в Придворной певческой капелле Петербурга. С 1919 г. был сотрудником Российского института истории искусств, где читал лекции и вел семинары по своей специальности, организовал «специальное собрание фотокопий с рукописей старинного нотного письма»¹. Через два года, в 1921 г., Преображенский начал преподавать в Петроградской консерватории, где читал курсы «Памятники древнерусского музыкального искусства» и «Русская семиография». Среди учеников Преображенского в консерватории был Максим Викторович Бражников.

¹ Рахманова М. П. «Спокойное, немигающее пламя...» // Бражниковские чтения — 2010. Древнерусское песнопение: прошлое, настоящее и будущее. К 140-летию со дня рождения А. В. Преображенского. Научно-творческий симпозиум 19–24 апреля 2010. СПб.: СПбГК., 2010. С. 8.

Как пишет М. П. Рахманова, «Скромность и сдержанность, присущие Преображенскому, словно определили судьбу его наследия. <...> Биография Преображенского не написана, нет ни воспоминаний о нем, ни полной библиографии его трудов»². В этой ситуации любой новый документ представляет немалую ценность. Приведу текст письма, хранящегося в Бюрцбурге:

Глубокоуважаемый Яков Яковлевич³,

Благодарность?!

Признательность?! — Да, конечно.

Я шлю ее Вам в этих строках за нежданно-дорогой подарок. Но Ваша память вызывает во мне не только чувство благодарности: я глубоко взволнован, потрясен ею... Вы оказали акт сострадания к людям, так долго испытывающим лишения во всем, и прежде всего другого — в питании; Вы насытили голодных!

Сердечное спасибо, глубокоуважаемый Яков Яковлевич, за память, и да воздастся Вам сторицею.

Искренне признательный и благодарный А. Преображенский.

Мои дети и жена просят передать Вам их благодарность за редкий и дорогой подарок.

Очевидно обилие эмоциональных знаков препинания в этом тексте: восклицания, вопроса; выразительна сама расстановка абзацев. Они отражают сильные чувства (Преображенский был очень сдержан в общении). Второе, что обращает на себя внимание в этом документе, — лист письма перечеркнут (карандашом) по диагонали. Это следствие того, что Ж. Гандшин, как правило, не хранил поступавшей к нему корреспонденции и использовал письма как черновую бумагу для собственных записей. Обычно он разрывал письма на мелкие фрагменты размером с книжную закладку. Большая удача, что послание Преображенского сохранилось в целости.

Трудно, однако, понять, о чем идет речь и какой подарок получил профессор Преображенский от профессора Гандшина. Зададимся вопросом: в какой ситуации находились оба героя переписки в момент создания письма?

² Рахманова М. П. «Спокойное, немигающее пламя...». С. 6–7.

³ Русское имя Жака Гандшина.

А. В. Преображенский начал преподавать в Петроградской консерватории именно в те годы, когда в разрушенной революцией и войной стране люди подверглись страшным испытаниям. А. К. Глазунов вспоминал: «Было время, когда преподаватели месяцами не получали жалованья вообще, здание не отапливалось, и занятия велись на дому»⁴. С осени 1919 г. снабжение города продовольствием катастрофически сократилось, и работа в Консерватории едва не замерла; очевидцы вспоминали, что наиболее привлекательным местом были тогда вовсе не классы, а столовая, «куда все стекались к часу обеда, дабы получить свой скудный паек»⁵.

Жак Гандшин в эти трудные годы тоже был в числе преподавателей Петроградской консерватории и на себе испытал все тяготы времени. Однако в мае 1920 г. он покинул Петербург, город, ставший ему родным, где он провел десять лет жизни, — руководил органом классом Петербургской консерватории, работал музыкальным корреспондентом газеты *St. Petersburg Zeitung* и вел активнейшую концертную деятельность. Гандшин уехал из советской России не по политическим мотивам. Истощенные голодом в разрушенном Петрограде, заболели его маленькие дети, их срочно нужно было лечить.

Переехав в Швейцарию (подданным которой Жак Гандшин всегда оставался, хотя по рождению был москвичом), Гандшин интенсивно занялся наукой. Он работал над восстановлением диссертации по истории органной музыки (рукопись которой утратил во время переезда из России⁶) и готовился к защите. Однако оставаться в Швейцарии навсегда Гандшин не собирался, он намерен был вернуться в Петербург. Кроме научных дел, он видел для себя в Швейцарии две задачи. Первая — исполнение русской органной программы (составленной из произведений его друзей-композиторов; Гандшин считал это своим долгом перед дорогими ему людьми). Вторая — помощь друзьям и коллегам, оставшимся в голодном и холодном Петрограде. Он не понаслышке знал, сколь трудно приходилось им и их семьям.

Гандшин был человеком действия, и сразу по приезде в Швейцарию обратился к швейцарской общественности. На страницах местной печати появились три его статьи. В 1921 г. в *Schweizerische Monatshefte für Politik und Kultur* вышла статья *Hilfe für die russischen Gelehrten* («Помощь

⁴ Консерватория в годы революции. Из беседы с А. К. Глазуновым (Январь 1924) // Из истории советского музыкального образования. Л., 1969. С. 235.

⁵ J. Handschin. Musikalisches aus Russland // Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie. Zusammengestellt von Hanz Oesch. Bern: Verlag Paul Haupt, 1957. S. 274.

⁶ Этому сюжету посвящена публикация: Князева Ж. Из истории одной исчезнувшей диссертации // OPERA MUSICOLOGICA. 2011. № 1 (7). С. 40–76.

русским ученым») ⁷, затем в *Schweizerische Musikzeitung* были опубликованы два открытых письма в редакцию. Приведу эти тексты целиком; они еще никогда не публиковались по-русски ⁸:

Предварительное замечание редакции: мы охотно публикуем призыв к помощи находящимся на грани голода русским ученым, — призыв нашего сотрудника Жака Гандшина, который сам до недавнего времени был под опекой Дома ученых в Петербурге, поскольку мы придерживаемся того мнения, что подобная помощь (которая в связи с низким курсом финской марки при взносе даже небольших сумм в швейцарских франках означает немалую поддержку) есть долг всех тех, кому дорого сохранение европейской духовной жизни и ценностей культуры, и что подобная помощь будет содействовать восстановлению тех духовных, политических и экономических связей, которые *должны* существовать между Россией и остальной частью Европы, если сама Европа не желает рухнуть.

На страницах прессы раздалась самые разнообразные призывы к помощи, обращенные к знаменитостям русским и западным: помогайте, высылайте посылки, шлите продукты для творческих слоев русского народа, дабы те смогли сохраниться и передать новой России культурное достояние России старой — общеевропейское культурное достояние. Конечно, у некоторых читателей возникло желание помочь. Они могли поразмышлять о том, сколь тесно взаимосвязаны между собой русская и западноевропейская культуры, вспомнить, как на протяжении прошлого столетия непрерывный поток творческих импульсов шел с Запада на Восток, а оттуда обратным движением поступали великолепные плоды духовной деятельности; и постепенно, вероятно, возникало чувство ответственности: не есть ли долг европейца содействовать тому, чтобы восточная часть Европы, этот в культурном плане столь плодотворный край, в будущем не превратился в пустыню? Однако пока не было никакой возможности преобразить свои чувства в реальные поступки.

Теперь ситуация изменилась. В финской Академии наук в Гельсингфорсе создана организация, цель которой — прийти на по-

⁷ *Handschin J.* Hilfe für die russischen Gelehrten // *Schweizerische Monatshefte für Politik und Kultur.* 1921. Heft 4. S. 187–188.

⁸ По-немецки статьи были вновь опубликованы в 2011 г. в книге: *Kniazeva Janna.* Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte / Hg. vom Musikwissenschaftlichen Institut der Universität Basel. Basel: Schwabe Verlag, 2011. (Resonanzen: Basler Publikationen zur älteren und neueren Musik. Bd. 1.) S. 931–936. Предлагаемый в данной статье перевод на русский выполнен мной.

мощь русским ученым: «Финляндский академический комитет помощи русским ученым» под председательством профессора Руины; и этой организации уже удалось наладить помощь; она получила от обоих правительств разрешение на проведение ее же делегатами транспортов и на контроль над распределением средств на месте. Первое пожертвование пришло от финского правительства и было доставлено в Петербург в мае этого года двумя членами комиссии — профессором Игельстрёмом и доктором Мансикка. То, что делегация рассказывала по возвращении, поражает. (Рассказ об этом помещен на страницах парижской русской газеты *Dernières Nouvelles*). С одной стороны, возникает картина самого горького бедствия: рассказывают, как один из академических сотрудников, ученый с европейским именем, пришел, одетый подобно нищему, без белья, с мешком, дабы получить свой паек. С другой стороны, отчет о поездке свидетельствует о беспримерном мужестве и самоотверженности ученых, которые прилагают последние силы, дабы сохранить наследие, хранителями которого являются. Финские ученые могли убедиться, что в художественном собрании Эрмитажа и в библиотеках (Публичной и Библиотеке Академии наук) царит полнейший порядок, даже при том, что, например, в Эрмитаже искусствоведы сами должны убирать снег, качать воду и рубить дрова, чтобы не дать погибнуть помещениям; и при всей бедственности положения все же публикуются научные работы (финская комиссия получила также разрешение вывезти в Финляндию и за ее пределы такие российские публикации).

К сожалению, первая посылка продовольствия оказалась недостаточной. Лишь половина тех, кто значится в списке Дома ученых в Петербурге, смогли получить пакет. (Число опекаемых Домом ученых, которое год назад составляло 2 000 человек, ныне — по письменному свидетельству профессора Игельстрёма, возросло до 6 000.) Финские ученые ожидают теперь, что их начинание поддержат повсюду, поскольку маленькая Финляндия в одиночку не в состоянии справиться с проблемой. Они обращают свой призыв в первую очередь к тем, кто в более благоприятных условиях занимается творческими профессиями, поскольку ожидают от них чувства профессиональной солидарности с российскими коллегами; однако в широком смысле они обращаются ко всем тем, кто в состоянии оценить, что значила для Европы и должна значить и в будущем столь активная в искусстве, науке и литературе русская культура. Финские ученые намерены и впредь доставлять поставки, — прежде всего в Петербург, где бедственность положения ощутимее, чем в Москве; и они намерены, если получают несколько больше средств, дать

возможность русским ученым провести некоторое время в заграничных санаториях, что в некоторых случаях — острейшая необходимость; когда же самые первые продовольственные потребности будут удовлетворены, встанет проблема обеспечения российских ученых книгами, то есть научными публикациями последних лет. Прежде всего, комиссия просит о денежных переводах, которые в любом желаемом объеме следует направлять по адресу: профессор Й[оозеппи] Миккола, Гельсингфорс, 5 ул. Мейланс (насколько известно автору этих строк, почтовые переводы в Финляндию заполняются не в финских марках, а в шведских кронах; швейцарская почта принимает такие переводы с отчислением 1.32 франка с кроны; с другой стороны в Гельсингфорс можно посылать и банковские чеки, а именно, в настоящее время за 12 франков за 100 финских марок). По тому же адресу можно направлять и посылки с продуктами, подлежащими длительному хранению, такими как шоколад, концентрированное молоко (швейцарская почта берет за одну посылку до пяти килограммов 3.80 франков); однако денежные переводы тем желательнее, что в Гельсингфорсе есть все, и тамошние ученые лучше всего могут разобраться, что их петербургским коллегам в данный момент более всего необходимо. Есть даже возможность переправлять пожертвования совершенно определенным петербургским ученым (в этом случае действовать следует иначе: эти посылки направляются *только продуктами* на адрес профессора А[ндрея] Игельстрёма, библиотекаря Университета в Гельсингфорсе, а внизу следует написать «Петербург — Дом ученых — для NN»).

Весной 1922 г. в *Schweizerische Musikzeitung* появляется следующая публикация Гандшина, *Aufruf für die notleidenden Künstler in Rußland* («Призыв к помощи бедствующим артистам России») ⁹:

Ст.-Галлен, 3 апреля 1922 г.

Глубокоуважаемая редакция!

Позвольте мне при Вашем посредничестве обратить внимание Ваших читателей на то, что отныне у каждого есть возможность поддержать музыкантов и музыковедов в России, поскольку Служба передачи посылок в Россию (интернационального комитета Красного креста и высшего комиссариата доктора Нан-

⁹ *Handschin J.* Aufruf für die notleidenden Künstler in Rußland // *Schweizerische Musikzeitung und Sängerbblatt.* 1922. Nr. 62/12. 22 April. S. 130.

сена) в Женеве по адресу Пассаж де лион, 5, обязуется пересылать по цене 10.50 франков посылки с продовольствием более 20 английских фунтов (мука, молоко, жир, сахар, чай) по любому адресу в России с гарантией, что отсылающему будет либо передано уведомление о вручении, либо, если посылка не вручена в течение трех месяцев, ему, по требованию, будут возвращены деньги. То, что в России, особенно в Петербурге, артисты и ученые голодают и замерзают, давно известно. Однако недостаточно известно, в какой степени они напрягают последние силы, дабы все-таки уберечь доставшееся им [культурное] наследство. Если Глазунов (получивший разрешение на отпуск за границей и концертирующий сейчас в Германии) говорит, что Петербургская консерватория, несмотря на невыразимые трудности, продолжает свою работу; если Шаляпин, возвратившийся из англо-американского турне, рассказывает, что в Петербурге и Москве, благодаря самоотверженности артистов и сейчас ставятся спектакли, более совершенные, чем он где-либо видел; если, в конце концов, я могу привести тот факт, что из несчастного Петербурга мне переслали целый ряд новых музыковедческих изданий, то, надеюсь, это вызовет уважение к борющимся там людям. Но что еще необходимо, так это признание того, что столь героически обороняемая там позиция — есть позиция *общая*, и с ее падением будущему нашего искусства в целом будет нанесен неизмеримый ущерб; я не могу сейчас и на этих страницах входить подробнее в суть этого вопроса, но думаю, что с ним согласится каждый, кто соприкасался с русской культурой, и кто принимает во внимание, что речь идет о проявлениях только еще *раскрывающегося* потенциала.

Цель этих строк — учреждение при какой-нибудь швейцарской музыкальной институции органа, который имел бы назначение централизовать помощь, оказываемую российским музыкантам и музыковедам. Помимо продовольственной помощи (для оказания которой в данный момент существует единственный, описанный выше путь) перед этим органом, по моему мнению, встала бы и вторая, равным образом важная и полезная задача: сбор книг о музыке и нот, вышедших с 1916 г. Нельзя забывать, сколь удручающим для интеллектуальных кругов России является тот факт, что они отрезаны от остального мира: каждый специалист горит желанием знать, что за последние годы произошло в его области. При таких обстоятельствах даже скромный издательский каталог покажется бесценным достоянием.

Позвольте еще упомянуть, что до тех пор, пока подобный орган не существует, я посодействую каждому, кто хотел бы что-нибудь сделать в одном из названных направлений. С одной

стороны, я мог бы дать адреса российских музыкантов и музыковедов и помочь при заполнении формуляров (которые можно получить по указанному выше адресу, и в которых одна часть должна быть заполнена по-русски). С другой, я охотно возьму на себя пересылку изданий, если таковые будут присланы мне; у меня есть возможность передать их в библиотеку Петербургской консерватории, откуда мой бывший коллега, профессор В[иктор] Беляев, перешлет дальше все дубликаты. Обо всем, что будет предназначено к пересылке таким образом, Вам будет сообщено в специальном каталоге.

С глубоким уважением
 Доктор Ж [ак] Гандшин
 Санкт-Галлен, Лессингштрассе, 6.

Наконец, в феврале 1923 г. в той же *Schweizerische Musikzeitung* появилось еще одно открытое письмо Гандшина¹⁰:

Сант-Галлен, 31 января 1923 г.

Глубокоуважаемая редакция!

позволю себе, сославшись на мое письмо, опубликованное в № 12 за прошедший год, отослать Вам перечень присланных мне из Швейцарии даров для *библиотеки Петербургской консерватории* и выразить огромную благодарность любезным дарителям. Как Вы видите, пришло немного, — факт, который я приписываю лишь недостаточной убедительности моих слов, — однако, вместе с дарами, переданными мне в Германии, это уже имеет немалую ценность. И сколь субъективно велика эта ценность в данном конкретном случае, т[о] е[сть] применительно к потребностям получающих, самым лучшим образом я могу проиллюстрировать, приведя отрывок из подтверждения о получении первой посылки, присланного мне нынешним библиотекарем Консерватории, профессором А[лександром] Оссовским: «Мы все (то есть консерваторские преподаватели теории, к которым ныне принадлежит и [...] Ляпунов), напали, как стая голодных волков, на Вашу посылку и с жадностью людей, которые давно не ели свежего, принялись глотать содержание [...] книг, громко наперебой оглашая, что именно на каждого из нас произвело особое впечатление (все это разыгрывалось в кабинете Глазу-

¹⁰ *Handschin J.* [Zum «Aufruf für die notleidenden Künstler in Rußland»] // *Schweizerische Musikzeitung und Sängerbblatt.* 1923. Nr. 63/6. 10. Februar. S. 76.

нова). Теперь все эти материалы переходят из рук в руки, высвечивая нам хотя бы узкую полоску на горизонте той художественной и научной жизни Запада, от которой мы — и это ужасно — отрезаны вот уже восемь лет»¹¹.

Поскольку я готовлю к пересылке вторую порцию, я хотел бы еще раз обратить внимание каждого, кто располагает нотами, книгами о музыке и музыкальными журналами, вышедшими после 1914 г., на предоставившуюся уникальную возможность использовать эти материалы. Речь при этом идет, как мне кажется, не столько о благотворительности, сколько, скорее, о роде ответственности музыкальных кругов за деятельность тех, кто там, в условиях, о тяжести которых здесь в целом нет и понятия, «мыслит, творит и работает».

С глубоким уважением, Ж[ак] Гандшин,
Сант-Галлен, Лессингштрассе, 6.

Тексты статей производят волнующее впечатление, хотя и написаны по-гандшиновски деловитым тоном; ряд упомянутых в них реалий нуждается в комментариях.

Дом ученых, упомянутый в первой публикации, — Дом ученых на Дворцовой набережной Петербурга, — был открыт усилиями образованной тогда же специальной «комиссии по улучшению быта ученых» (КУБУ) 31 января 1920 г. для помощи бедствовавшим интеллектуалам города. Дом ученых разместился в бывшем дворце великого князя Владимира Александровича, где находится и по сей день. В задачи КУБУ и Дома ученых входила организация всевозможной помощи: самостоятельная заготовка продовольствия, содействие в улучшении жилищных условий, организация медицинской помощи, решение массы бытовых проблем¹².

«Финляндский университетский (академический) комитет помощи страдающим русским ученым» был организован в Хельсинки весной 1921 г. по инициативе и при непосредственном участии ряда финских ученых, связанных с русской культурой, и в прямом контакте с Максимом Горьким и петроградским Домом ученых. В период до 1925 г. этот

¹¹ Купюры сделаны самим Гандшиным. Оригинал письма А. В. Оссовского пока обнаружить не удалось.

¹² Подробнее об организации и деятельности Дома ученых см.: Петроградский Дом ученых. 1920–1921: история в документах / Сост. М. Н. Величко, А. Н. Чистиков. С.-Петербург: Сударыня, 2000.

комитет провел поистине колоссальную работу и стал центром международной помощи российским деятелям науки¹³.

Упомянутый Гандшиным профессор Руина, — по данным финской исследовательницы Хелены Тюрвяйнен¹⁴, — это финский ученый и педагог, профессор Вальдемар Руин (1857–1938). Он родился в Суздале. В 1888–1926 гг. Руин был профессором педагогики, а в 1915–1920 гг. — ректором Хельсинского университета.

Андрей Игельстрём (1860–1928) — русский офицер, писатель. По данным Х. Тюрвяйнен, в 1892 г. он, как офицер, был направлен в Финляндию, где с 1899 г. работал преподавателем русского языка, а с 1902 г. — заведующим русским отделом библиотеки Университета Хельсинки. Игельстрём был давним знакомым Максима Горького. Именно Игельстрём стал инициатором образования Финляндского Академического комитета помощи¹⁵.

Вильо Мансикка (1884–1947) — фольклорист, с 1927 г. профессор университета Хельсинки; автор ряда работ по русскому фольклору и другим восточнославянским культурам.

Йоозеппи Миккола (1886–1946) — филолог-славист с мировым именем. По данным Х. Тюрвяйнен, в 1895–1900 гг. Миккола был доцентом кафедры славистики в Университете Хельсинки, в 1900–1934 — профессором.

Вернемся к письму профессора А. В. Преображенского. Из него, по всей видимости, следует, что Гандшин не ограничивался призывами в швейцарской прессе, но сам пересылал продукты в Петроград, и одну из таких посылок получил А. В. Преображенский.

Пока не обнаружено никаких иных свидетельств общения Жака Гандшина и Антонина Преображенского. Однако они могли встречаться в Российском институте истории искусств. А. В. Преображенский, как было сказано выше, работал здесь с 1919 г. Жак Гандшин не был сотрудником Института, но у него здесь было множество друзей, с которыми он поддерживал контакт. Уже в Швейцарии он получал по почте новейшие издания Института 1920-х гг.; они хранятся в его архиве. В 1928 г. в официальных документах РИИИ Гандшин значился его цюрихским корреспондентом¹⁶.

¹³ См.: *Исаков С. Г.* М. Горький, КУБУ и Финляндский университетский комитет помощи русским ученым // *Studia Slavica Finlandesica*. Helsinki, 1985. Т. 2. S. 49–80.

¹⁴ Приведенные ниже сведения предоставлены мне еще в середине 2000-х гг. госпожой Хеленой Тюрвяйнен в личном письме.

¹⁵ *Исаков С. Г.* М. Горький, КУБУ и Финляндский университетский комитет... S. 50.

¹⁶ Научный состав Института. Члены-корреспонденты // Государственный Институт истории искусств: 1912–1927. Л.: Academia, 1927. С. 39.

Другой сферой возможных контактов Преображенского и Гандшина была научная деятельность Музыкального отдела Наркомпроса. Гандшин возглавлял Академический подотдел МУЗО в последние годы перед отъездом из России. Работы Преображенского не могли остаться вне поля его зрения. Здесь нужно принять во внимание, что А. В. Преображенский был в курсе новейших западных публикаций по музыкальной византологии, ему принадлежат рецензии на перевод книги о греческом церковном пении, о реформе богослужебного пения в католической церкви и на книгу Отто Риземана (знакомого Гандшина; возможно, также и знакомого Преображенского). Как теперь известно, именно музыкальная византология была самой большой — и так и не реализованной — страстью Гандшина — историка музыки¹⁷.

Гандшин и Преображенский как ученые были схожи по своему научному темпераменту. А. Н. Римский-Корсаков писал о Преображенском: «В нем теплилось пламя упорно и методически работающего ученого»¹⁸. «Упорная и методическая» научная работа была в высшей степени свойственна и Жаку Гандшину.

Литература

1. *Исаков С. Г.* М. Горький, КУБУ и Финляндский университетский комитет помощи русским ученым // *Studia Slavica Finlandesia*. Helsinki, 1985. Т. 2. С. 49–80.
2. *Князева Ж.* Из истории одной исчезнувшей диссертации // *OPERA MUSICOLOGICA*. 2011. № 1. С. 40–76.
3. *Князева Ж. В.* Жак Гандшин в воспоминаниях Елены Агриколы // *Старинная музыка*. 2011. № 3–4. С. 41–52.
4. Консерватория в годы революции. Из беседы с А. К. Глазуновым. (Январь 1924) // *Из истории советского музыкального образования*. Л.: Музыка, 1969. С. 235–237.
5. Петроградский Дом ученых. 1920–1921: история в документах / Сост. М. Н. Величко, А. Н. Чистиков. СПб.: Сударыня, 2000. 74 с.
6. *Рахманова М. П.* «Спокойное, немигающее пламя...» // *Бражниковские чтения* — 2010. Древнерусское песнопение: прошлое, настоящее и будущее. К 140-летию со дня рождения А. В. Преображенского. Научно-творческий симпозиум 19–24 апреля 2010. СПб.: СПбГК., 2010. С. 6–8.
7. *Handschin J.* Hilfe für die russischen Gelehrten // *Schweizerische Monatshefte für Politik und Kultur*. 1921. Heft 4. S. 187–188.
8. *Handschin J.* Aufruf für die notleidenden Künstler in Rußland // *Schweizerische Musikzeitung und Sängerbblatt*. 1922. Nr. 62/12. 22 April. S. 130.

¹⁷ См. об этом в статье: *Князева Ж. В.* Жак Гандшин в воспоминаниях Елены Агриколы // *Старинная музыка*. 2011. № 3–4. С. 41–52.

¹⁸ *Рахманова М. П.* «Спокойное, немигающее пламя...» С. 8.

9. *Handschin J.* [Zum «Aufruf für die notleidenden Künstler in Rußland»] // Schweizerische Musikzeitung und Sängerblatt. 1923. Nr. 63/6. 10. Februar. S. 76.
10. *Handschin J.* Musikalisches aus Russland // Gedenkschrift Jacques Handschin. Aufsätze und Bibliographie. Zusammengestellt von Hanz Oesch. Bern: Verlag Paul Haupt, 1957. S. 274.
11. *Kniazeva J.* Jacques Handschin in Russland: Die neu aufgefundenen Texte / Hg. vom Musikwissenschaftlichen Institut der Universität Basel. Basel: Schwabe Verlag, 2011. (Resonanzen: Basler Publikationen zur älteren und neueren Musik. Bd. 1.). S. 931–936.